

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

— Работа кипит, да, Светлана Сергеевна?

— Да, сейчас заканчиваем 7-й и 8-й фильмы проекта "Тайны дворцовых переворотов". Называться будут "Виват, Анна!".

— Вы не раз говорили, что в фильмах этих — история подлинная, без прикрас. Архивы теперь — как дом родной?

— Раньше — да, много сидела в Ленинке. А сейчас появляются новые связи, новые знакомые, которые по этим событиям XVIII века, по этим персонажам добавляют такую информацию, которая официально никогда у нас не была озвучена.

— И много тайн дворцовых вам удалось раскрыть? Что накопили интересенького?

— (Смеется.) Одна из интереснейших тайн, открытый — это то, что Меншиков, который, как считается, был из народа, торговал зайчатинной, пирожками...

— Хитрый, вороватый, — таким его и играли Жаров, Куравлев. Так кем, извините, он оказался?

— На самом деле это был невероятно образованный человек, высокообразованный, представитель польско-литовского рода. Первые его подписи — они были мне показаны — выглядели так: "Мэн" и через пробел — "Джик". Что в переводе означало "суровый мужчина"...

— Так, может, поэтому его в Березово сослали?

— Не знаю... А затем его фамилию адаптировали на "Меншиков". Он был человек совершенно неординарного ума, на сегодняшний день можно сказать, что у него была не голова, а компьютер — не случайно сам с собой в шахматы играл. А Ораниенбаум, имение его! Совершенно уникальный форпост построил по просьбе Екатерины Первой. Петр любил уходить на своем ботике в Кронштадт, а назад ему трудно было возвращаться: силы уже не те плюс плохая погода — ботик отбрасывало в сторону. А Меншиков вычислил, куда его прибавляет волна, и в этом месте соорудил крепость, чтобы Петр мог спокойно причалить к берегу...

— Светлана Сергеевна, а чего вас в глубь веков-то все тянет? Такая женщина современная, вон у вас на столе: и компьютер, и сканер, и принтер...

— Кстате, сейчас я впервые занялась компьютерным монтажом, и мне это безумно интересно. Вот эти два фильма делаю в новом хайтеке, по новой технологии. (Смеется.) А насчет XVIII века так вам скажу. Он всегда был закрыт. Об этом времени у нас ничего по-настоящему не было снято, ни написано. Разве что очень помпезные, очень пафосные, как теперь говорят, патристические картины: "Ушаков", "Суворов". И снимались они, как правило, по заказу. Уж очень век тот был аналогичен, ассоциативен нашему революционному, тоталитарному веку. Да и вообще, XVIII столетие — это абсолютно не прошедшие, не замшелые времена.

■ ■ ■
— И все равно вы дама — совсем не из XVIII века. Владелица фирмы, насколько я понимаю, семейной киностудии...

— Ну что значит — владелица? У нас, как и у многих, есть своя студия. При киноконцерне "Мосфильм" и при кинофонде Ролана Быкова. Мы были друзьями, Быков жил тремя этажами выше — с Леночкой Санаевой, и мой муж, как вы знаете, снимал у него и "Ученого", и "Внимание: черепаха!"... Ролан Антонович организовал свой фонд для поддержки детского кино, а однажды взял меня за руку и сказал: "Слушай, мать. Хватит тебе работать в найте каком-то. У тебя потрясающий материал, вы с мужем — талантливые ребята. Ну-ка, идите ко мне, создавайте киностудию". И этот проект — "Дворцовые перевороты" — был утвержден еще Быковым...

— Но вы же и клипы снимали, и рекламу, правильно?

— И клипы, и рекламу — мы все снимали, а как же. Для того чтобы выжить. Был клип Аллегровой — "Суженый мой, ряженый", где в ход пошли все костюмы из наших филь-

Резкая, быстрая, стремительная. Энергия такая — что "крутить турбины ГЭС". Все с наскока, и все по плечу. Когда-то по проволоке ходила, мотала белой ногой. В цирковой программе значилась как "девочка-каучук", партнером по арене был "гуттаперчевый мальчик". Потом танцевала с Марисом Лиепой — это уже в балетном училище. Вела КВН вместе с Михаилом Державиным на ТВ. Безответно любила Вячеслава Тихонова и Николая Рыбникова в кино. Потом сама решила любовь крутить. По проекту — режиссером стала. Последние годы Дружининой окутаны тайной — "Тайной дворцовых переворотов". И в глубь веков так же — с головой, без остатка, без передышки. Про юбилей чуть не забыла. На всякий случай напоминаем...

"Дети и внуки называют меня просто Света".

ПРОСТО НАРОДНАЯ ДРУЖИНИНА

Режиссер "Гардемаринов": Мы с мужем не ложимся спать, пока не сделаем раскадровку следующего дня

мов; где снялся Саша Домогаров...

— **Сын снимал?**

— Нет, муж. У сына была своя крутая жизнь, он был крутым клипмейкером, самым первым, можно сказать, мэтром...

— **Почему "был"?**

— Сейчас Мише это не очень интересно. Не то что надоело — просто он надеется на какой-то рост: творческий, личностный. У него свой кинобизнес: такой серьезный, настоящий; потрясающая производственная база. А в то время — да: все первые клипы, которые у нас в стране выходили, снимал он. Вместе с Хлебородовым, с Федей Бондарчуком. Которого, кстате, Миша и привел в клипмейкерство. Первый ролик они сняли в наших декорациях, на "Мосфильме". В "Гардемаринов-3" у нас была Венеция, а у них там Мазаев пел: "Вот и пробило 12 часов... До свидания, мама, до свидания, мама".

— **Хорошая компания была у вашего сына.**

— Ну как — это же все друзья. Вот все они и приходили сюда: и Ваня Охлобыстин, и Федя, и Козлов, и Макс Осадчин. И отсюда Миша названивал Быкову и говорил: "Дядя Рол, у нас тут дебют с Ванькой Охлобыстиным, вы у нас снимаетесь. Денег нету ни хрена..." Ну, дядя Рол

зательно с зимней натурой — почему-то все ситуации исторические в России происходили именно зимой, а зимой снимать безумно трудно. Да и вообще, гоняться за XVIII веком вокруг Москвы становится все сложнее и сложнее. И когда мне за ними следить? Разве что по дороге

Во ВГИКе мы пытались вставлять в фильмы матерные слова, и я в том числе.

с удовольствием снимался. А потом пришел ко мне и сказал: "Какие талантливые дети растут! Боже мой, как жаль, что я уже не молод — сейчас такая возможность фантазировать, экспериментировать..." И ведь действительно были талантливейшие ребята: ершистые, многие от них были в шоке, возмущены...

— **Сейчас жизнь их раскидала: один — отец Иоанн, другой — Федор Сергеевич; уже и сами папами стали. А как вам нынешние 20-летние, от них вы не в шоке?**

— Для того чтобы составить впечатление, нужно посмотреть все фильмы. А у меня — две огромные картины, многофигурная композиция. И обя-

услышу о ком-нибудь по "Эху Москвы" или в ночи увижу по телевидению у Тины Канделаки. Но вот сейчас вернулась из Минска — я была председателем жюри Минского кинофестиваля — и там посмотрела несколько картин. В том числе вот эту "Эйфорию"... м-м-м... Вы-рыпаева. И представляете, как все одно к одному: когда ехала уже домой с Белорусского вокзала, он как раз по радио давал интервью. Долгое такое. Про то, что кино — это поэзия, и каждый кадр — та-да-та! и последнее слово — это все-таки изображение, и что чуть ли не сценарии должны писать поэты... И мне стало смешно. Потому что за этими сло-

вами я увидела абсолютное невежество. Ведь вопрос поэтического кинематографа решался уже очень давно, и у Пудовкина были такие же опусы и сценарии поэтические. Когда смотрю эту "Эйфорию", я вижу, какая огромная потеря сил, какая сумасшедшая затяжка всего.

— **После такой вашей рекламы народ потянется в кинотеатры, вот увидите.**

— Да. Но, понимаете, мы все через это уже прошли, мы этим занимались во ВГИКе, мы пытались вставить матерные слова, и я в том числе. Господи боже мой — все это было, было... О другом хочу вам сказать. Когда мои вот эти шесть фильмов стали раскупать, в первую очередь ими заинтересовались в глубинке, за Уралом. Просмотры шли в среде школьной. Я ведь снимаю о том, что у них в учебниках написано, читать им лень, поэтому стоняют их из окрестных школ в эти огромные бывшие клубы, Дворцы культуры. Залы битком забиты тинейджерами: сначала вы попадаете в улей, вопль стоит жуткий — не понимаете, чем дело кончится. А затем: медленно и верно картина захватывает их внимание. Я всегда сажусь на самый верхний ряд, где в основном сидит одиннадцатый класс...

— **Места для поцелуев?**

— Ну да. И если кто выходит — а я всегда внимательно за этим слежу, — как правило, это не девочки, а парни. И очень быстро они возвращаются. От них начинают нести куравом, они тащат баночки с пивом или — девочкам пол-корн. Кто-то кого-то пытается потискать. А в ответ — громкий шепот: "Не мешай! Мне интересно!"

■ ■ ■
— **Светлана Сергеевна, история страны — это, конечно, все хорошо. А собственную жизнь вы вспоминать любите?**

— Да, всплывает порой...
— **Объясните — я, честно говоря, понять не могу: как можно было в тридцать лет, на волне успеха, уйти из актерской профессии?**

— Очень легко. На своей первой картине "За витриной универмага", на которую я попала случайно, мне понравилась профессия режиссера...

— **Зачем же при этом уходить из кадра?**

— А я не думала о том, что не буду себя снимать, каждый раз писала для себя ту или иную роль. В "Гардемаринов" должна была сыграть Анну Бестужеву. Невероятно выгодно для актрисы роль. Все было на

меня шито, у меня даже где-то фотопроба есть...

— **И что: сами себя не утвердили?**

— Да, режиссер Дружинина не утвердила актрису Дружинину. Почему? Вам объясню. За неделю до съемок я была на том месте, где должна была снимать арест Бестужевой. Это Харитоньевский дворец Юсупова. И я представила себе, что через неделю в кринолинах, в парике, с наклеенными ресницами, в жемчугах буду среди вот этих кустов и деревьев бегать от гвардейцев. Они начнут меня хватать, я стану орать, кричать. Потом я буду подбегать, совать свой глаз в камеру, давать команду "Мотор!". И поняла, что так я и сама не сыграю, и фильм не сниму. Да и потом, снимать мне куда интереснее, чем сниматься. Как-то вот этих амбиций актерских у меня не было никогда. Я спокойно и легко ушла из профессии, знала, что никогда не буду актрисой до конца. Хотя Герасимов, когда я к нему пришла поступать на режиссерский, помню, сильно удивлялся: как это — актриса, перспективная...

— **Да еще такая красавица. Кстати, муж ваш не из ревнивцев? Ведь наверняка вас обхаживали блестящие ловеласы того времени, пытались за вами приударить?**

— Пытались и руку и сердце предлагали. Нет-нет, я не буду называть фамилии, потому что фамилии известные, некоторые из этих людей живы. А я выбрала неизвестного тогда никому студента первого курса. Он тоже, как и я, играл в волейбол, был капитаном мужской команды, я — женской. Мы прекраснейшим образом проводили время, ездили по творческим вузам Советского Союза: и в Киев, и в Ригу, и в Свердловск... Правда, тут стоит сделать ремарку. Родители моего мужа — достаточно крупные разведчики. Однажды, когда они вернулись из-

Алсу озвучила свою роль идеально — а ведь играет немку и должна говорить с акцентом.

за границы, на даче Сталина в Риге им показывали картины, которые еще не вышли на экран. Когда смотрели "За витриной универмага", его мама обронила: "Ой, какая хорошенечкая актриса, какая обаяшка". Толя сказал: "Хочешь, она будет моей женой?" "Да пожалуйста", — ответила та...

— **И все-таки о "Гардемаринов". Ведь вся страна смотрела, это были наши "Три мушкетера", а вы — их мама. Интересуетесь судьбами сыночков своих?**

— Харатьян снимается, и его жена Мариночка великолепно у меня сыграла. И они родили дивного сына, которого просто по моему настоящему называли Ванькой, потому что он родился в день святого Иоанна. И с Сашей Домогаровым я очень дружна, и с Мишей Мамаевым, и с Лютаевой. Вот Олю никак не могу найти, Машню...

— **Не называли Шевелькова, Жигунова. Вы же их, можно сказать, открыли...**

— Ну да, но они этого очень не любят. Это им задайте вопрос, почему. Ну и пускай со своими мужскими амбициями живут себе. Для меня — уже пройденный этап... (Как говорят, Дружинина обиделась на Жигунова за то, что он раскритиковал

Школьники смотрят мои картины, кто-то кого-то пытается потискать. А в ответ — громкий шепот: "Не мешай! Мне интересно!"

вторых "Гардемаринов" и отказался сниматься в третьих. — **Авт.** ...Ой, это, наверное, мне звонят. (Светлана Сергеевна не стала дожидаться, пока кто-то из домашних снимет трубку, сама побежала в другую комнату.) Может, Алсу...

— **Ну что, Алсу?**

— Нет. Но она приехала, должна озвучивать свою роль. К сожалению, никак не можем пересечься.

— **У вас и Кристина Орбакайте сыграла, теперь Алсу. Так любите поп-певиц наших снимать?**

— Красивые женщины, талантливые актрисы, которые годятся на роль.

— **Алсу устроила вас как актриса?**

— Да. Что от нее требовалось, она сделала. Не назойливо, без нажима. Озвучивает она просто идеально, с листа. А ведь играет немку и должна говорить с акцентом.

— **Но о Жигунове. Сейчас все обсуждают его роман с Заворотнюк...**

— Ну и дай бог ему, это его проблема — пусть он ее и решает. Вот вы знаете: все, что не касается моей работы и моей личной жизни, меня совершенно не волнует. Понимаете, у меня такой объем интереснейшей работы. А если буду еще питаться какими-то слухами, меня тогда ни на что не хватит.

■ ■ ■
— **Хорошо, тогда о вашей работе. Которая как раз пересекается с личной жизнью. Вы сейчас вместе с мужем снимаете кино. Оператор Мукасей беспрекословно подчиняется режиссеру Дружининой?**

— Слава богу, мы два достаточно разумных человека, давно уже живем вместе, давно работаем вместе. Мы принимаем общие решения. И принимаем их до того, как выходим на съемочную площадку. У нас осталась старая, хорошая школа, нас хорошо учили в институте. Мы не ложимся спать вне зависимости от того, когда приезжаем домой: в час ночи, в два, — пока не сделаем раскадровку следующего дня.

— **Но у вас жесткий характер, мне кажется, вы не терпите возражений. Да и последнее слово всегда за режиссером, правда?**

— Почему, я могу идти на компро-

мис, я умею слушать. Это скорее мужчины амбициозны. А я же, например, никогда не сижу в кресле, где написано "режиссер". Мое кресло или пустое, или на нем сидит отдыхает какая-нибудь бабушка-старушка, которая поправляет усы у солдат в кадре. Я хожу, я работаю вместе со всеми: со вторым режиссером, с ассистентом, с оператором...

— **А с внуками как управляетесь? Бабушкой вас называют или...**

— Нет, Света.

— **Так и думал. А "бабушка" — что, обидное слово?**

— Абсолютно нет, просто они слышат, как меня зовут мой муж, мой сын — он ведь тоже меня по имени называет. "Свет, прекрати". Иногда: "ма". Так же и внуки.

— **Но вы такая быстрая, мне кажется — просто ураган какой-то. И на возню с внуками у вас не хватает ни времени, ни терпения.**

— Но они же очень часто бывают со мной на съемках... Я живу себе как живется, я ничего специально не делаю. У меня есть работа, и она мне нравится... Кстате, вы меня уже задерживаете. (Смотрит на часы.) Понимаете — работать надо, работать...

Дмитрий МЕЛЬМАН.